

ИМЯ НЕЖНОЕ МАРИУЛЫ

Рассказ

С тех пор прошло более полувека, столько всякого в жизни было, пора бы и забыть. А Юрий Андреевич всё вспоминал, да со всех сторон оценивал, чем же эта девушка его, восемнадцатилетнего, могла так крепко привязать к себе, присушить до самого основания. После войны минуло уже десять лет, срок, казалось бы, большой, но это мирового масштаба событие всё ещё бросало яркий свет на дела и поступки всех людей, особенно молодых. У самого Юрия Андреевича отец был фронтовиком, от ранений едва оправился, но посчастливилось выжить да силы найти для работы на железной дороге. И вот его сын Юрка на радостях (сдал экзамены в политех и теперь студент первого курса) отправился на речку купаться; вдруг такая приятная неожиданность — познакомился с Олей, необыкновенным созданием, дочерью погибшего в бою танкиста. Она держала симпатичную головку гордо, победно — достойная дочь павшего в бою воина. А вот с Олиной мамой вышло что-то не так. Что случилось — Оля объяснить не могла, отвечала уклончиво, и только годы спустя Юрий Андреевич узнал: её посадили за украденный с голодухи кусок хлеба, во время войны это считалось тяжким преступлением. Так малолетняя Ольга, без отца и матери, угодила в детский дом. Там, вероятно, и расцвёл её бойцовский, независимый нрав, отмеченный чуть заметной светлой полоской над бровью — старая ранка, полученная в драке с хулиганистым Васькой. Особенно восхищала Юрия Андреевича, с каким почтением относилась Оля к хлебу (это уже дальнейшие открытия) — в конце обеда она кончиками пальцев, собирала крошки со стола и как-то особенно бережно отправляла в рот. А как умело и быстро она управлялась с иглой и раскройками, когда поступила в профтехучилище на мастера мужской одежды! Ни дать ни взять настоящий художник своего дела!.. Юрий Андреевич просматривал, как на экране, эти незначительные для других воспоминания. Он называл их далёкой жизнью. И каждый раз, мысленно встретившись с Олей, задумывался. Разве Оля и всё, что с нею связано, такое ли далёкое? Всё было как будто вчера. Ты пацан, ты юноша, ты насквозь молодой! Только никто этому не верит, а зеркало не прочь над тобой, над твоими морщинами посмеяться. Отвернулся от зеркала — и ты вновь не чувствуешь годы, тебе вновь восемнадцать... Четыре года назад Юрий Андреевич с великой печалью похоронил жену. В одинокой жизни (у сына своя семья, он в другом городе) участились походы в библиотеку, повысилось внимание к классике, вчитывается в Тургенева и Толстого; на письменном столе Пушкин дружил с Твардовским, Есенин — с Павлом Васильевым. Заметил: стихи лучше всего возвращали к прошлой жизни, возвышенноозаряли забытые, даже

неприятные события — но чаще всего ни с почившей супругой, а с другой, первой его женщиной.

В любви, он понимал, не бывает мелочей. Самое интересное, во что сейчас трудно поверить, он вполне серьёзно вынашивал мысль об отмщении. Да, да, экран включён! Он видит себя на трамвайной остановке, вглядывается в темноту, выжидает. А вот он у входа в кинотеатр, а вот на кривой узкой улице на краю города. Он терпеливо ждёт, он хочет посмотреть в глаза негодяю, посягнувшему на его любовь... Впрочем, подозрения были и раньше, но Юрий Андреевич в юные годы был выше подозрений, он верил — Оля не подведёт. А если поковыряться? Первым, в самом начале их отношений, можно было заподозрить Женьку. Он появился в городке недавно, писанный белокурый красавчик с густыми бровями. Юрка наткнулся на него на речке, он лежал на песке рядом с Олей. Пока купался, Оля и Женька исчезли. Да, неприятно, думай, что хочешь... Оля на другой день объяснила: что тут такого? Ну захотел девушку проводить. Пожалуй, тут впервые и зашевелилась нехорошая мысль: не уведёт ли этот Женька его судьбу? И сразу сомнения: да разве девушка моя? Имею ли право на упрёки? Оля легко исправила неловкость: «Не дуйся! Пойдём, познакомлю с моей тётей Раей». У тёти Раи, хмурой женщины средних лет, был грудной ребёнок — она занимала большую комнату, а комната поменьше — в распоряжении Оли. Впрочем, тётя Рая к ним не касалась. Время клонилось к вечеру, Юрий Андреевич не мог точно вспомнить, чем занимались — кажется, пили чай в садике. Но в память хорошо въелось: вдруг появился мужчина лет сорока, и тётя Рая с ним немедленно удалилась. Куда-то ушла и Оля. Вскоре мужчина вышел и доверительно присел рядом. Видно, был человеком общительным, ему не терпелось поделиться. «Я только-только прилетел. Ну, куда командировочному податься? Вот и поспешил по адресу!» — он по-свойски подмигнул, а студенту Юрке стало неприятно... Тётя Рая мужчину увела к себе, а Оля Юрку — к себе. Стало смеркаться, парень засобирался домой. «Уже поздно... — тоскливо, совсем не по-бойцовски, произнесла Оля. — Ты разве меня оставишь?..» — «Никогда!» — твёрдо заявил Юрка и неуверенно огляделся — кровать в комнате одна. Оля поймала взгляд и засмеялась: «В тесноте, да не в обиде!» Оля, уже в темноте, легла первой, отвернулась к стенке. Юрка стал осторожно пристраиваться на слишком узком пространстве. Дальше всё было непонятно, смутно, слишком быстро, Юрка мгновенно уснул. А поутру Оли рядом не оказалось. Он вышел, и путь ему преградила тётя Рая. Она укоризненно качала головой и хрипло, почти шёпотом говорила: «Что ты наделал, а? Таковую девочку испортил! Простынь-то насилу отстирала!» Юрка с удивлением подумал: «Какая ещё простынь? Когда успела со стиркой?» Тётя Рая продолжала: «Неужели Оленьку бросишь? Будь человеком! Не бросай!» Юрка, ошеломлённый, примчался домой, застал маму и отца в сборах — отцу дали горящую семейную путёвку на курорт, немедленно уезжают. Отлично! Значит, будет время укрепить взаимоотношения с Олей. Разве он собирался её бросать? Проводил родителей до автобуса, Юрка сразу же направился к тёте Рае, надеясь застать Олю. Но Оля ушла домой, там Юрка её и нашёл. Заплаканная, сердитая, даже не хотела разговаривать. Юрка восхитился: даже сейчас она была необыкновенно красива, её грубоватая нежность только украшала. Потом он уговаривал взять паспорт — и в ЗАГС! Насилу уговорил, повёл к трамваю. Их сразу же расписали, и к Оле вернулось хорошее настроение, она даже пошутила (как такое не запомнить!): «Кандалы на всю жизнь!» (Это верно — не снял и через полвека!) Пока, дожидаясь возвращения родителей, жили врозь — он у себя, она — у дяди, который взял её из детдома и удочерил. Дядя был вечно занят, Юрка по-настоящему с ним не познакомился, да и не было необходимости. Необходимость была в другом: преподнести сюрприз Юркиным родителям, да так, чтобы не отвергли... Так всё и было — не отвергли! Юркин отец мудро отмолчался,

а мама отдала молодым одну комнату и устроила скромный свадебный вечер — только для своих.

У Юрия Андреевича началась ранняя семейная жизнь. Он уезжал утром на занятия в политех, а Оля — в профтехучилище. Вечерами она почти всегда отсутствовала — то на тренировках по лёгкой атлетике, то на пробах на телеведущую, то на встречах с подругами. Она была деловитой и строгой во всём, что никак не убавляло внешней привлекательности и лучистости в глазах. Не всегда позволяла даже дотронуться до себя, ограничивала в постели, но Юрка воспринимал это как должное — она такая! Пусть такой и будет! Впрочем, ему не нравилось, что Олю частенько подвозил к дому директор профтеха, но разве она позволит старику что-то лишнее! Огорчил, неожиданно сильно, случай на вечеринке: новый друг по учёбе пригласил его с Олей на свой день рождения. Пили, острили, танцевали — и вдруг Юрка хватился: где Оля? Вышел в коридор, потом за дверь на улицу — нигде нет. Вернулся, сел поодаль в кресло, стал угрюмо наблюдать за танцующими. Где-то через час, а может, больше появилась Оля — весёлая, краснощёкая. А вслед за ней один из гостей, взлохмаченный, в модном клетчатом пиджаке, — прячет глаза, спешит сесть за стол. На Юрку накатила обида — он извинился перед хозяином, сказал, что его время вышло, нужно домой, позвал жену. Она ничуть не удивилась; они молча дошли до трамвайной остановки, и Оля, как ни в чём не бывало, стала говорить: «А мы стояли на втором этаже и видели, как ты меня искал. Его зовут Славик, он так здорово рассказывал о тайге, я не могла оторваться...» Захлестал сильный дождь, зонта не было. Юрка подавленно молчал, ничего не замечая. Подошёл трамвай, начался долгий обратный путь... Из той далёкой ночи Юрий Андреевич хорошо запомнил, как по стеклу бурно катили ручьи, а по его щекам — слёзы. Всё проходит, и эта обида сама собой растаяла — ведь, в сущности, не пойман — не вор. Оля была так обворожительна, так светилась вниманием и добротой, что обострять ситуацию не имело смысла. Хотя в душе что-то накапливалось, не отпускало, Юрка с удовольствием дал бы этому Славiku по морде...

С началом лета, когда Юрка сдал экзамены, нужно было что-то решать с отдыхом. Он мечтал поехать с Олей в мамину деревню, но у спортсменки намечалась спартакиада. Как быть? Мама посоветовала Юрке поехать в деревню одному, а когда Оля освободится, сразу же приедет. Так и решили. Но в деревне Юрка ходил сам не свой. Он пил вкуснейшее молоко коровы Чернавки, и думал — какая несправедливость, нет рядом Оли, она бы несомненно оценила! Он подцеплял деревенским хлебом сметану — и опять думал о жене — как бы она порадовалась! Малина в дедовском саду, собранная руками Оли, была бы в тысячу раз вкусней, не говоря об удивительно сладкой землянике в обмелевшем овраге. А на лугах, пахнущих свежескошенной травой, вообще бы плясала от счастья... Почти каждый день Юрка бегал на почту, заказывал междугородку, но Олю дома не заставал. Вот какой нужный, активный человек! Как не скучать по такому! Её улыбка, её смех видны и слышны повсюду, от них никуда не скроешься! И только спустя десять дней, во время грозы и сильнейшего ливня, в стрелах молний и оглушительных раскатах грома, на Юрку накатило сомнение: а всё ли хорошо у Оли там, в городе? Почему молчит? Сама бы заказала переговоры... А на следующий день — извещение! Ура! Значит, всё-таки догадалась, что по ней зверски скучают! Но звонила мама, очень коротко, успела сказать: «Приезжай, ты здесь нужен!» — «Если нужен, конечно, приеду. Завтра же возьму билет...» Весь обратный путь Юрка размышлял — зачем он понадобился, что случилось? Но даже увидев на перроне встречающих маму и отца, не догадался о причине вызова. Отец как-то странно спросил: «Ты ничего не знаешь о твоей Ольге?» Юрка удивлённо промолчал, и отец объяснил: «Она теперь с нами не живёт». Мама тихо добавила: «Она от нас ушла». Юрка тихо пережил этот удар, внешне только нахмурился.

А всё, что бушевало внутри, вылилось потом на разлучника, когда узнал, что Ольгу застали с другим женщиной... Его-то он и разыскивал, и караулил в потёмках, собираясь по-настоящему... убить!

Когда в библиотеке проводили читательский вечер на тему «Любовь в произведениях Пушкина», в котором принимал участие и любитель поэзии Юрий Андреевич, одна из пожилых читательниц принялась Пушкина критиковать. Речь шла о поэме «Цыганы»: «Что это Александр Сергеевич выдумал? Мариула бросила малышку-дочь, ту самую Земфиру, ушла с другим женщиной! И после этого Пушкин пишет, что «долго милой Мариулы я имя нежное твердил». Мне кажется, поэт лукавит! Разве таким поступком нормальный человек может восхищаться? И дочь её Земфира дальше не ушла». Юрий Андреевич не выдержал, резко возразил: «Значит, вы не знаете, что такое любовь и что такое ревность». «Возможно. Но я много слышана и начитана, — парировала дама. — Убийц на почве ревности сажают в тюрьму!» «Посадите тогда и меня», — жёстко ответил Юрий Андреевич. После воцарившейся тишины дама осторожно спросила: «Вы убили... женщину?» «Не успел. Мой соперник на ней женился...» — Все почему-то рассмеялись, и Юрий Андреевич добавил: «Зачем женатого убивать? Образовалась семья, пусть живут...» Опять раздался смех, правда, не дружный. А дама, вздохнув, с чувством сказала: «Пожалуйста, извините. И ещё... Можно пригласить вас... на чашку чая?»

ЗВЕРО-ЧЕЛОВЕК

Рассказ

Логово?! Кто придумал это насквозь лживое, мерзкое слово? Да не какое-нибудь логово — волчье! Только человек, сам наполовину зверь, живущий дикими инстинктами, мог такое придумать!.. Так размышляя о своей тёплой, родной, до жути уютной норе настоящей, живой волк. Весь остальной мир без этой норы, созданной самой природой, для него просто не существовал. Здесь удивительно беззаботное ласковое детство было ключом среди неугомонно весёлых братишек и сестрёнок, всегда в забавной кутерьме, с материнским сладким молоком и вкуснейшим мясом, которое откуда-то сверху приносили заботливые отец и другие мохнатые дяди. Особенно остро стала восприниматься родная нора-норушка, с её теплом и запахом, в тесной вонючей клетке зоопарка, куда волк угодил по иронии недоброй судьбы. А судьба почему-то с самого начала была беспощадно злой, хотя рядилась в добродетель в виде спасительного бородача, которого окружающие и он сам себя звали Учёным. Но разве добродетель начинается с убийства живого существа? А ведь так и было: нору-норушку разворотили, добрейшую мать волчонка лишили жизни несколькими выстрелами, она, истекая кровью, упала к ногам жестоких прищельцев. Радостные голоса прославляли удачную охоту, щедро сыпали шутками. Ничего не понимающих щенков куда-то увезли под рокот грузовой машины, а на одного из них, избранного, набросили тугой ошейник, и Учёный собственноручно повёл ковыляющего пленника к своей легковушке. Он вёл его с удовольствием и с чувством выговаривал:

— Буду звать тебя Волком. Согласен? Не вечно же быть тебе слабым и безвольным. Когда-нибудь, уже скоро, вымахнешь грозным верзилкой. Станешь неотразимым зверем! Вот и посмотрим, насколько изменится твоя звериная сущность. А может, перевоспитаешься? Превратишься в умного мирного пса? Собаки ведь произошли от волков...

Волк не понимал, о чём говорил Учёный; человек красиво размахивал свободной рукой, поворачивая к нему ухоженную бороду — она напоминала цветом материнскую шерсть, так неожиданно и жестоко окровав-

ленную... Вопросы не уходили: почему? Что случилось? За что погубили маму? Но в новых обстоятельствах непонятное и злое то всплывало, то мгновенно забывалось. Нужно было понять, где ты теперь находишься; необъяснимо неудобным пристанищем стал коридорчик под лестницей в необъятном, в два этажа, доме Учёного, а в коридорчике — пристроенный под ночлег большой картонный ящик, пахнущий чем-то съедобным. Ему налили в металлическую чашку белую жидкость, напоминающую молоко, что-то густо накрошили. К еде и чашке, как, впрочем, к большущим пушистым тапкам Учёного, надо было привыкнуть, что оказалось не так-то просто. Учёный был доволен, расхаживал в цветастом халате рядом с лестницей, рассуждал о двойственности человека — как непросто уживается в нём *homo sapiens* инстинктами, против которых его мыслящая половина зачастую бессильна, а *homo sapiens*, подчиняясь им, иногда сам становится зверем Волк, не понимая умных речей, внимательно слушал и по-детски наивно старался запоминать поразившие его слова... Шли дни, недели, месяцы — хозяин ничуть не менялся, по-прежнему вёл умные беседы с Волком, прилежно подстригал бороду, был красив и опрятен, хвалил Волка за покладистый нрав, нередко спрашивал — не настал ли ожидаемый час, не превратился ли вылитый зверюга в *homo sapiens*? Не грянет ли сенсация в учёном мире?

— *Понимаешь, Волк, обстановка в мире серьёзная. Почему-то homo sapiens не желает освободиться от личины зверя. А эта личина, то есть вторая половина человека, и толкает его на преступления. Человечество, по этой причине, может погубить само себя. Вот ты, чистокровный Волк, сможешь ли превзойти свою натуру, подняться над своими инстинктами?.. Я верю — сможешь. Не подведи меня, Волк, я очень надеюсь, даже слёзно прошу...*

Волк взрослел, всё более тяготился коридорчиком и коробкой, в которую влезал уже целиком, и вдруг вспомнил надрывные волчьи песни, которые в прошлой жизни не раз проникали в нору и будили непонятную тревогу. При хозяине он не стал пробовать голос, а когда Учёный уехал в Академию наук и его жена удалилась в город по своим делам, во всю мощь выплеснул накопившиеся чувства. Он запел, прославляя лесные просторы, о которых знал теперь от хозяина; воспевал яркое солнце и большую круглую луну — на прогулках он тянул к ним морду и замирал от счастья; откровенно скулил о тоске по необозримым зелёным лугам, по которым можно носиться до потери сознания. О, как высоко взлетал его голос! Эту песню должен услышать весь живущий огромный мир, не знающий, что такое мрачные мысли и одиночество! У-у-у! У-у-у!.. И вдруг — удар в бок! Ещё удар! Ещё. Это молодая шустрая домработница Веруша (кстати, симпатия Волка) огромными тапками Учёного бойко наносила по бокам шлепки. «Ты чего это вздумал, а? — звенел её голос. — Не смей! Не смей! Только людей пугаешь!» Волк подчинился и понимающе спрятался в коробке.

Однажды хозяин не повёл его, по установившемуся порядку, на вечернюю прогулку. Вместе с женой, сухощавой почти наголо стриженной женщиной и курявенькой дочкой-малышкой они сели в машину и двинулись напрямик к лесу. Востроглазая жена занималась непослушным ребёнком, всё норовившим потрогать Волка, а сам Волк на заднем сиденье завозился, увидев из окна купы деревьев, перелески, а за ними нежно-зелёные луговые дали. Он чуть не завыл, но сдержался, вспомнив башмаки в руках домработницы Веруши. Остановились на опушке возле ручья, где густо стояли легковые машины и ярко одетые люди устанавливали шашлычницы, нанизывали на шампуры маринованное мясо и разворачивали на траве скатерти-самобранки. Учёный вывел Волка на поводке, надёжно привязал к берёзке. Люди настороженно попятились, Учёный рассмеялся и успокоил — это домашний, ручной пёс, никого не тронет! Учёный, в общем-то, был прав — Волк, ошеломлённый всем, что увидел, никого не замечал, ничего не слышал — он наслаждался чем-то

давно забытым, но так необходимым в жизни. Задымили шашлычницы, запахло жареным мясом, и уже вскоре приехавшие дружно уселись вокруг самобранок, стали произносить тосты, сдвигать бокалы, обсуждать всемирные проблемы. Стало смеркаться, и застолье осветили фарами автомобилей.

Привязанный в сторонке Волк отчуждённо наблюдал весь этот сумбур и не мог понять — для чего Учёный привёз его сюда. Недалеко от берёзки, под которой неподвижно лежал Волк, под бравурные аккорды аккордеона разворачивались танцы, приглашая желающих чувственно повеселиться, размять в движении застоявшиеся суставы. Мужчины и женщины всех возрастов потянулись на полутёмную, плохо освещённую поляну, закружились, задёргались кто как мог. На Волка не обращали внимания, но сам Волк обострившимся зрением видел всё. Недалеко от него неуверенно держалась парочка молодых людей — парень не сводил с девушки любящих глаз, а сама она вертела хорошенькой головкой, кого-то выискивая. Наконец, нашла, кинулась на другой край поляны к молодому мужчине в военной форме, с погонами, сверкающими звёздочками в лучах фар. Офицер смутился, сделал шаг навстречу приятному зову, но вдруг заметил трагическую печаль в глазах предполагаемого соперника. Офицер извинился перед девушкой и отступил. Никто, кроме Волка, не заметил этого трудного поступка, ради этого можно было сюда приехать и не пожалеть. Учёный, наконец, отвязал Волка, и, пошатываясь, привёл к самобранкам, потребовал тишины.

— *Дорогие мои, прошу внимания! Видите, я не один — я с Волком. Волк — это не название, не имя, а сущность. Когда сильным телом управляют инстинкты, а интеллектом даже не пахнет — это однозначно Волк. Проблема в том, что в каждом из нас прячется это злейшее существо, и не всегда мы можем воспротивиться, сказать «нет» слепому, но мощному инстинкту. Я убеждён, что войны на Земле потому и происходят, что человечество не в силах обуздать в себе скрытые порочные инстинкты, избавиться от инстинкта превосходства сильного над слабым, врождённого желания подчинить или уничтожить. Да, да, как только избавление произойдёт, Земля обретёт мир и благополучие! Вы только посмотрите, что происходит с настоящим зверем, когда он напрочь забывает свои дремучие инстинкты и становится добрейшим существом! Зверь может, а почему не может человек? Отбрось свою вторую, животную половину — и ты свободен и способен на добрые, сказочные дела!*

Кто-то из пирующих хрипло, явно ерничая, прокричал: «А у меня вторая половина — жена! Как от неё избавиться?» Заходил ходуном невообразимый хохот, кто-то издевательски заматерился. Учёный вскинул руку, попросил успокоиться, но его никто не слушал. И тут в сумятицу возбуждённых голосов ворвались истошные крики, брань, несусветная ругань. Поодаль от яркого света фар мелькали тени, в неожиданной тишине звучно захрипели проклятья. Все разом догадались: драка, да ещё какая! Сидящие вскочили, а Волк понял — беда! Нужно спешить на помощь, выручать! Он резко дёрнулся, рванул поводок. Учёный не удержался, шлёпнулся наземь, ремень выскользнул из ослабевшей руки, и Волк, почувствовав свободу, помчался на звуки яростной борьбы. Он не слышал крики ошеломлённого Учёного «Куда?! Стой! Фу!», устремился к дерущимся, вцепился зубами в подвернувшуюся штанину и с треском разорвал. Драка мгновенно завершилась, отрезвевшие драчуны шаркнулись друг от друга, а кусок штанины повис в пасти ликующего Волка. Оставшийся почти без штанов драчун потерял дар речи, беспомощно озирался и вдруг завопил: «Уберите зверя! Ой! Ой! На помощь!» Помощь подоспела, Учёный вцепился в поводок и возвестил: всё в порядке, опасности нет! Эта история так бы и закончилась общим смехом над неудачливым драчуном, если бы не принципиальная жена Учёного. Она яростно вращала модно стриженной головкой с ослепительными серьгами в

ушах и требовательно голосила: «Я же говорила! Я же предупреждала! А если бы напал на ребёнка?! Теперь-то уж зоопарк! Чудовище должно жить за решёткой!» Ничего не поделаешь, против супруги не попрёшь. Зоопарк теперь дело решённое. Учёный, конечно, переживал и на прощание сказал своему питомцу:

— *Эх, Волк, Волк! Что ты наделал! Жутко ты меня подвёл... Не получился из тебя homosapiens... Да, милый мой брат, от самого себя никуда не уйдёшь... Жена, к сожалению, права: с неуправляемыми инстинктами живут только в зоопарке.*

Так неудачливый Волк угодил в зоопарк. Странно и непонятно — душа откликнулась на беду, а что получилось? Интересно, а за что остальных обитателей зоопарка рассовали по клеткам, да ещё держат впроголодь? У двух сородичей, к которым Волка подсадили, отвисли животы, несчастные только о еде и думают. Конечно, по сравнению с коробкой в двухэтажных хоромах Ученого здесь было просторней, но от постоянного неприятного запаха нечистот чуткий нос никуда не спрячешь. Служивый мужичок, приставленный к клеткам, был настоящим пугалом для животных — без метлы и увесистой палки, привязанной к поясу, в вонючее помещение не заходил. Кости и другую скудную еду бросал в кормушки с презрением, с руганью, а куда уносил мясо, положенное зверям? Этого никто не знал. Мужичка бы самого в клетку — показывать посетителям, да, видать, нельзя: кто тогда будет кормить опасных животных?..

Учёный был образованным, заботливым человеком, особенно по части обучения — он успел познакомить Волка с лесными жителями по телеку и картинкам, при этом постоянно посмеиваясь — жил зверь в лесу, а других млекопитающих никогда не видел! Смотри и запоминай, пригодится! Странно, зачем он это делал? А как-то раз, когда жены не было дома (почему украдкой?), развернул полотнище с кинопоказом — сплошные обезьяны, вертялые, непоседливые, с длинными цепкими хвостами. Хозяин с горечью рассказал о страшных преступлениях этих милых проказников. Оказывается, если они встретят маленьких львят, ну совсем глупых слабеньких малышей, никого не пощадят — убьют всех до единого, безжалостно, беспощадно! Потому что, когда малыши вырастут, станут грозными львами, они съедят и маленьких, и больших обезьян с потрохами! Вот что такое инстинкт сохранения рода, один из самых жестоких неискоренимых инстинктов. Учёный как будто предвидел переселение Волка в зоопарк, клетка с обезьянами оказалась напротив, и Волк часами наблюдал, как они усердно, старательно ухаживают друг за другом, выискивая что-то в заросших густой шерстью головах. Или играют, носятся, суетятся, не замечают ни печальной лисы, живущей по соседству, ни злоую рысь, ни угрюмых шакалов. Волк из тоски попробовал было затянуть песню, но примчался мужичок с метлой и натмашь прошёлся по новому жильцу.

С этой злосчастной минуты Волк и задумал бежать. Пусть поймают и убьют, как убили ни в чём не повинную маму, но так униженно жить он не будет. Волк стал выжидать удобный момент — со всей силой наброситься, повалять мужичка с ненавистной метлой и, пока дверь открыта, выскочить вон из мрачной тюрьмы. Мужичок будто почуял опасность, стал осторожничать, снял с пояса дубину и не выпускал из рук. Волк поменял тактику — забивался в угол и недвижно лежал, краем глаза оценивая обстановку. Долгожданный момент, наконец, настал: ранним утром зевающий служивый вошёл в клетку не с дубиной, а с метлой, стал, громко бранясь, отгонять в угол сокамерников Волка для уборки помещения. Волк вихрем взметнулся над служивым, ударил в спину мощными передними лапами и вылетел на пустую аллею. Вдоль загомонивших клеток пустился искать выход, хоть какую-нибудь расщелину в заборе. А забор высокий, длинный, с плотной кирпичной кладкой, в конце концов завёл в глухой тупик. Что делать? Волк развернулся и при-

пустил в обратную сторону к входным закрытым воротам. Там вход и выход для посетителей. Массивная дверь, по раннему часу, была закрыта, а нарастающий шум на аллеях заставлял торопиться. Волк стал прыгать на дверь, стараясь открыть. Дверь неожиданно распахнулась, взглянула заспанная сторожиха. Увидев Волка, она вскрикнула, но дверь закрыть не успела — Волк мгновенно просунул мордой и оттолкнул насмерть испуганную женщину. Несколько прыжков — и он оказался на улице. Куда бежать? Ну, конечно, туда, где синеют затянутые дымкой деревья — там должен быть лес. Но лес оказался намного дальше, чем ожидалось. На широкой зелёной улице кое-где замаячили жители, а за асфальтом, на раздавленном колёсами просёлке разгуливали куры и гуси — заметив Волка, они с гогочущим воплем суматошно разлетелись. Опасаясь погони, Волк не останавливался. Начались перелески, он, наконец, присел отдохнуть. Принюхался, угадал старые волчьи пометки исквозь густой осинник добрался до еловой просеки. Вышел на тропу и наткнулся за буреломом на развороченную волчью нору. Душа заныла: не здесь ли он когда-то беззаботно жил с мамой и неугомонно весёлыми братишками? Неуловимо приятные запахи, пожоже, остались, но точно не угадать. А это что на торчащих берёзовых корнях? Запёкшаяся кровь или буро-красная кора? От мрачных воспоминаний Волк поплёлся дальше, дальше... Куда теперь?

Вдруг перед ним возникла озорная волчья морда — жёлтые глаза, как две луны, призывно светили, приглашая к знакомству. Они обнюхались, молодая волчица предложила побегать, порезвиться. Волк, вне себя от радости, кинулся вслед за красавицей, стараясь бежать рядышком, не отставать. По счастливой морде хлестали ромашки, лютики, иван-чай, было невыразимо приятно. На мягкой траве-лужайке красавица остановилась, заиграла глазами-лунами, спрашивая: ну, чем ты меня удивишь? Волк ощутил страшный голод, ведь со вчерашнего дня он ничего не ел, и мгновенно придумал, чем порадовать неожиданную избранницу. Он высоко вознёс голову и запел: у-у-у, у-у-у, я тебя очень люблю, порадую тебя — принесу подарок, только не уходи, обязательно дождись! Красавица в знак согласия весело взвизгнула, мягко польхнув жёлтым светом, и Волк помчался на городской просёлке, где, удирая из зоопарка, заметил много-много живой еды. Красавица от такой вкуснятины не откажется! Они вместе щедро, забываемо попируют!

На просёлке было слишком многолюдно, и Волку пришлось хитрить, выжидать удобную минуту, перебежать незаметно от дома к дому, пока не добрался до гусяного стада. Гуси, узрев серую опасность, подняли гвалт, и Волк едва успел ухватить за длинную шею одного зеваку, ловко увиливая от десятка нацеленных острых клювов. Добыча в зубах трепещет, бьёт крыльями, а когда успокоилась, Волк выволок окровавленную птицу на дорогу. Выволок и не поверил глазам: ему навстречу двигался бывший хозяин, которого Волк успел по-своему полюбить — за вкусную еду, ласковое обращение, добрые долгие разговоры. Искоркой мелькнула мысль: «Пришёл за мной? Хорошо, отнесу подарок и вернусь...» Учёный вскинул ружьё, жёсткая густая борода, скользнув по взведённому куркам, на мгновение спряталась за прикладом. Оглушительно грянул выстрел — *homosapiens* целился быстро и умел без промаха стрелять. Гусь шлёпнулся на землю, вслед за ним замертво рухнул Волк. Он так и не понял, за что с ним обошлись не по-человечески... Учёный опустил дымящийся ствол и, смахнув слезу, произнёс:

— Прости, Волк! Я в тебе ошибся. И на жену мою не обижайся — от звериного инстинкта никуда не спрячешься...

БАЛЛАДА О ДЕРЕВЕ

*Вот оно, это дерево, старое-старое,
Ствол его неохватный изрыт, искорёжен,
И чудно: над корой, исковерканной временем,
Расплескалась, как облако, нежная крона...
Из стихотворения*

Странно, почему я не в лесу, среди милых сердцу зелёных сородичей? Долго я над этим думала, а ведь оказалось – ничего странного. Родители мои, как рассказывал ветер, в положенное природой время разбросали созревшие семена, и одно семечко залетело сюда, на цветочный бережок, на самый край озера. Но кто же всё-таки я? Сосна, клён, ветла?.. Ветер шепнул – берёза! Хорошо, пусть берёза, мне всё равно, деревья все одинаково прекрасны. Ветер считает, что это редкая удача – получить простор, в тихие ясные дни – зеркальную воду, в которую можно смотреть, не уставая, весь солнечный день. Вначале мне тоже так казалось, ветер умел, озорно присвистывая, убеждать. Но когда нависала гроза с пронзительно-колючими молниями и всё унижающим громом, когда безобидный ветерок превращался в грозного, опасного зверя и со всей прытью налетал на незащитные ветви, обрывал молодые листочки и норовил выдрать тебя с корнем – в эти страшные минуты я думала о лесных братьях, которые могли бы защитить, закрыть собой неокрепшее существо... Проплывало время, как над тобой проплывали кудрявые облака, рассказывающие об огромной, неохватной жизни на земле, с её сказочными изваяниями, каждую минуту меняющими облик и живописные оттенки – да, проплывало время, и, если случалась гроза, мысли о неминуемой гибели удалялись вместе с молниями и небесными колдунами, волокущими по земле длинные ливневые бороды. В такие минуты легко дышалось; нежные листочки-деточки, у которых хватило сил удержаться на ветке, затаив дыхание, ослепительно отражали лучи торжествующего солнца. Наивысшую радость выказывали серенькие, совсем неприметные соловьи – их не видно, но как мощно, во всю земную силу, носились над дугами их трели, неудержимо стремясь в самую высь, в синие прорехи ликующего неба... И всё же, потом остро понималось, не только это приближало к полному осознанию жизни и свободы: почему-то понятнее и теплее были иные звуки, тихие, скромные, но такие же, великие по своему значению, как трели соловья, – песни воробьёв, синичек и других многочисленных пташек. И нельзя не сказать, поистине начинался настоящий праздник, когда на тебя вихрем налетал пёстрый клубок разноцветных бабочек, и они листочками-крыльями, словно ладошками, неустанно хлопали, прославляя погожий день и всё сияющее вокруг. Истинную радость доставляло и озеро с дневными громкими и загадочными ночными купаниями людей. Озеро одновременно радовало и пугало. Было такое: ныряльщица захлебнулась, утонула – это беда, это крики, это слёзы. Невыносимо видеть, как сильное, красивое тело девушки, мечтавшей о счастливом долголетию, извлекают из воды, и бурные ручьи, как потоки горячих слёз, стекают по обвисшим рукам и ногам... Иногда находила и тихая боль, непонятная и тревожная, за глубинных жителей озера, которых молчаливо-угрюмые рыбаки выслеживали и похищали сетями и удочками. Хочется отмахнуться, забыть. Но добрые чувства обязательно возвращаются, когда под твоей сенью произносятся хорошие, нежные слова, когда губы тянутся к губам, а души сливаются воедино. О, как шелестели тогда мои молоденькие детки, как пристально внимали простому, нужному для всех человеческому счастью! И если случалось самое злое, самое жестокое преступное действие, что бывало не один раз, я погружалась в стон, осень приходила ко мне раньше срока. Вторгалась сумятица мыслей – как, за что, почему?

Разве на земле возможно такое? Острая сталь безжалостно вонзалась в грудь, горячая кровь била фонтаном, жизнь угасала, а бездушная тварь, посягнувшая на чужое существование, удирала, трусливо пряталась, самодовольно оскаливая зубы... Да разве возможно такое? Да, возможно, если слепая сила, хамство, недомыслие берут верх. Но всегда ли так будет? Думай и гадай... Однажды пришлось и самой натерпеться страху. Ко мне неожиданно близко подошёл какой-то человек, в пыльных дорожных сапогах, с тяжёлым рюкзаком за плечами. Снял выцветшую от солнца шляпу. Синие-синие глаза, пепельно-белая борода. Немолодой, но крепкий. Стал пристально со всех сторон разглядывать ствол и ветви. Произнёс с восторгом: «Вот это находка! Редкая пластика! Готовый сюжет!» Извлекает из рюкзака короткую пилу и опять с восхищением: «Спасибо, дерево!» А я съежилась: какое уж тут «спасибо», собирается резать по живому! Седобородый придвинулся вплотную, раздумчиво покачал головой и опустил пилу. «Прости, родная берёза! Резать не буду. Великий грех! Но мне тебя не забыть. Буду приходиться любоваться. Разрешаешь?» Он собрал рюкзак и, без конца оборачиваясь, удалился. Я с облегчением, под ветерок, непрощенный страх отряхнула, но совсем избавиться от беспokoйных мыслей не могла – всё мерещился седой мужик с губительной пилой, остро сверкающей отточенными зубьями. Быстротекущее время затуманивало в памяти это страшноватое событие: а вдруг человек и в самом деле стал бы орудовать губительно сверкающими зубьями? Нет, нет! То, что убийства не произошло, конечно же, подарок судьбы, и надо доброй судьбе низко-низко поклониться, дружно прошелестеть «спасибо» всеми спасёнными веточками. И жаль – я, берёза, так благодарно изогнуться не могу, но всегда готова прозвенеть кроной – летом ярко изумрудной, осенью ярко оранжевой, чтобы далеко вокруг все видели и слышали... Я бы поклонилась и ветру, он бывает не только бешеным, но умеет и поговорить, и утешить, и отвлечь от назойливой тревоги. Он даже подсказал о грядущей опасности: смотри, озёрная вода близко подкралась к твоим корням, без конца моет их, лишает опоры. Но кто примчится на помощь, кто в ненастные дни оградит берёт от набегающих волн? Собратья недалеко, но что они могут? Надежда только на себя, на свои силы. Да и выдержала бы, и выстояла, если бы не буря, если бы не слишком тяжёлый, слишком обильный ливень. Вихревым порывом меня качнуло, корни бессильно заскользили по глине и вскинулись одним развороченным боком. Успела заметить: всей кроной шлёпнулась не в воду, а в густую мягкую траву, на береговой взгорок. Может быть, в этом спасение? Но буря улеглась, спряталась в буреломе, а чёрные спутанные корни остались торчать на берегу. Да, это конец. Что поделаешь, надо пережить и такое. Корни высохнут, листья опадут, нежно-белое тело омертвеет. И всё же я пока жива, лежу на боку и размышляю над своим неожиданным концом. Надеюсь на чудо! В моём-то положении! И всё-таки очень надеюсь. Молча лежу и чувствую, как всю меня обжигает ещё недавно ласковое солнце. Вдруг слышу слова того самого седоголового человека, который когда-то меня пожалел: «Ай, ай! Вот беда! Я как чувствовал, торопился... Я бы поднял, перенёс в безопасное место... Очень прошу: не горюй! Спасти тебя не смогу, но обещаю – ты будешь жить! Ты так красива, ветви твои так уникально пластичны, в каждой извилине – большая жизнь, её красота и тревожная сложность...» Слушая это, я закрыла глаза, если можно назвать глазами увядающую листву, представила огромный зал, в центре которого – высокая берёзовая скульптура. Она похожа на женщину, прожившую не очень долгую, но большую, во многом нелёгкую жизнь... У белоснежной женщины доброе сердце и нежная душа... Доброе, доброе... Нежная, нежная... Для полного счастья не так уж и мало...